

МегаМегафон

Гай Любовь гладиатора

«Автор»

2026

МегаМегафон

Гай Любовь гладиатора / МегаМегафон — «Автор», 2026

Рим, I век н.э. Гай — раб-гладиатор, чья жизнь стоит дешевле песка на арене Колизея. Сева — патрицианка, дочь посла, для которой рабы существуют только затем, чтобы развлекать публику своей кровью. Их первая встреча происходит, когда Сева падает с трибуны прямо на арену, и Гай ловит её. Униженная тем, что её коснулось «грязное животное», она бьёт его по лицу при всей толпе. А он смотрит на неё снизу вверх и улыбается. В ту же ночь Гай проникает в её покои. Она купается в ванне, когда он входит, раздевается и садится рядом. Он заставляет её коснуться своих шрамов, провести рукой по его телу — не для того, чтобы взять силой, а чтобы она увидела в нём человека. Он прижимает её к себе, проводит рукой по её изгибам — и уходит, оставляя её дрожащей от ненависти и непонятного желания. Сева, воспитанная в презрении к рабам, сталкивается с тем, что впервые в жизни кто-то посмотрел на неё не как на госпожу, а как на женщину. И этот кто-то — тот, кого она должна презирать больше всех на свете.

© МегаМегафон, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Песок и кровь	5
Глава 2. Ночь	7
Глава 3. Взгляд	10
Глава 4. Рынок	12
Глава 3	14
Глава 6. Пир	16
Глава 7. Чужая постель	18
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

МегаМегафон

Гай Любовь гладиатора

Глава 1. Песок и кровь

Он убивал.

Двадцать третий бой, двадцать третья смерть на его счету. Песок арены давно пропитался кровью — чужой, своей, теперь уже не разобрать. Гай, фракиец по прозвищу «Северный Ветер», стоял по колено в грязи, смешанной с кровью, и ждал решения толпы.

Поверженный гладиатор лежал у его ног, хрипел, пытался зажать рану на шее, но кровь текла сквозь пальцы. Гай даже не смотрел на него. Смотрел вверх.

Там, в императорской ложе, сидела она.

Он видел её и раньше — дочь посла, золотоволосая, в голубой stole, всегда в первом ряду. Но сегодня она смотрела именно на него. И взгляд её был таким, что Гаю захотелось бросить меч и лечь рядом с умирающим.

Она смотрела на него как на животное.

Как на зверя в клетке. Как на грязь под ногами. Брезгливо. Свысока. Она даже не морщилась от вида крови — просто смотрела сквозь него, оценивая, годится ли это мясо для забавы. — Добивай! — заревела толпа.

Гай поднял меч. И в этот момент наверху что-то случилось.

Кто-то крикнул. Кто-то рванулся. Охрана засуетилась. А она — та, золотоволосая, — вдруг покачнулась у самого края ложи. Камень под её ногами дрогнул. Секунда — и она полетела вниз.

Гай не думал.

Тело работало быстрее головы. Он рванул вперёд, отбросил меч, и через мгновение она уже была в его руках. Он поймал её в двух шагах от земли, прижал к себе, закружился, гася инерцию падения, и они рухнули вместе — он на спину, она сверху.

Песок взвился облаком.

Тишина в амфитеатре длилась секунду. Потом толпа взорвалась хохотом.

— Гименей и Афродита! — заорал кто-то.

— Гладиатор поймал невесту!

— Свадьбу! Свадьбу!

Она дёрнулась в его руках, как дикая кошка. Вскочила на колени, оказавшись сверху, и зашипела, глядя ему в лицо:

— Как ты смеешь трогать меня?! Отпусти!

Гай лежал на спине, смотрел на неё снизу вверх и чувствовал, как внутри закипает что-то чёрное. Та, кто смотрела на него как на животное, сейчас сидела на нём верхом, в пыли и грязи, и её голубая stole была перепачкана кровью с его рук.

— Надо было дать упасть? — спросил он спокойно.

— Отпусти! — закричала она, пытаясь встать.

Он разжал руки.

Она не ожидала. Потеряла равновесие и грохнулась задом в песок, прямо в лужу крови. Толпа зашлась смехом. Кто-то падал с кресел от хохота.

Она вскочила мгновенно, вся красная — то ли от крови, то ли от ярости. Подлетела к нему, пока он медленно поднимался, и со всей силы вlepила пощёчину.

Звук пощёчины разнёсся по арене громче, чем крики толпы. Смех стих. Все смотрели.

— Как ты смеешь, грязное животное?! — кричала она, и голос её срывался на визг. — Опустим глаза! Опустим глаза, когда я говорю с тобой! Никогда не смотри на меня так! Никогда! Он смотрел.

Прямо в глаза. Не отводил взгляда, хотя охрана уже бежала к ним, хотя центурионы расталкивали толпу, хотя через минуту его могли убить на месте за такую дерзость.

Он смотрел на неё и улыбался.

Нехорошо. Криво. Одними уголками губ.

— Запомнил, — сказал он тихо, так, чтобы слышала только она. — Твоё лицо. Снизу.

Она замахнулась снова, но её уже хватали под руки подбежавшие стражники. Поволокли прочь, к выходу с арены. Она вырывалась, кричала что-то о наказании, о казни, о том, чтобы этого раба разорвали львами.

А он стоял в луже крови, в грязи, с отпечатком её ладони на щеке, и смотрел ей вслед.

Толпа всё ещё смеялась. Кто-то хлопал. Кто-то свистел. Игры продолжались.

Гай подобрал меч. Подошёл к умирающему, который всё ещё хрипел у его ног. Опустил клинок. Закончил бой.

Но в голове у него было не это.

В голове у него было её лицо. Близко. В дюйме от его лица. И её слова: «Никогда не смотри на меня так».

Он посмотрит.

Он ещё много раз посмотрит.

Глава 2. Ночь

Она не могла успокоиться до самой ночи.

Сева. Валерия Северна, дочь Луция Корнелия Сципиона, посла Рима. Для своих — просто Сева. Для рабов — госпожа. Для гладиатора на арене — грязное животное, посмеившее поймать её в свои руки.

Она тряслась от ярости, пока служанки раздевали её, мыли, меняли повязки на ссадинах от падения. Тряслась, пока лежала в тёплой воде, в мраморной ванне, в своём доме на Палатине.

— Каллиста, — позвала она гречанку. — Этот раб... его казнят?

— Не знаю, госпожа, — тихо ответила служанка. — Говорят, Лентул Льву жалко его. Хороший боец.

— Хороший боец?! — Сева вскочила в воде, расплескав половину ванны. — Он опозорил меня! На глазах у всего Рима! Я требую...

— Госпожа, успокойтесь, вода остынет...

— Вон! — закричала Сева. — Все вон! Я хочу побыть одна!

Служанки выскочили. Каллиста задержалась у двери, хотела что-то сказать, но передумала и вышла.

Сева осталась одна в полумраке ванной комнаты. Только масляные лампы горели по углам, да вода в бассейне тихо плескалась, отражая огоньки.

Она закрыла глаза. Пыталась успокоиться. Но перед глазами стояло его лицо. Его глаза. То, как он смотрел на неё снизу вверх, когда она сидела на нём верхом. То, как он улыбнулся — нагло, дерзко, как свободный.

Раб. Грязный раб. Животное, которое убивает за еду.

Почему она не может забыть его взгляд?

Шорох.

Сева открыла глаза. Ей показалось? Нет, снова шорох. Со стороны двери.

— Каллиста? Я же сказала...

Дверь приоткрылась. Вошёл он.

Сева онемела. Хотела закричать — и не смогла. Голос пропал. Она только смотрела, как он закрывает за собой дверь, как прижимает палец к губам, глядя на неё.

На нём не было доспехов. Простая туника, грязная, в пятнах засохшей крови. На поясе — нож. Лицо спокойное, будто он зашёл к себе домой.

— Если закричишь, — тихо сказал он, — я зарежу твою служанку. Она за дверью. Ждёт.

Сева судорожно сглотнула.

— Я ничего ей не сделаю, — продолжил он, приближаясь. — Если будешь тихо. Просто хочу поговорить.

Она наконец обрела голос. Шёпот, хриплый от страха:

— Ты безумец. Тебя убьют. Здесь весь дом...

— Весь дом спит, — оборвал он. — Кроме твоей служанки. Но она не закричит. Потому что если она закричит, я убью её. А потом тебя. Медленно.

Он остановился у края ванны. Смотрел на неё сверху вниз. Теперь он был сверху. Она — снизу, по шею в воде, голая, беззащитная.

— Отвернись, — выдохнула она.

— Нет.

Он сел на край ванны. Провёл рукой по воде. Снял с пояса нож, положил рядом с собой, на мраморный бортик.

— Ты ударила меня сегодня, — сказал он спокойно. — При всех. Назвала животным.

— Ты заслужил.

— Может быть. — Он кивнул. — Но ты смотрела на меня так, будто я грязь. А потом я поймал тебя. И ты оказалась в моих руках. И я смотрел на тебя снизу. И ты не выдержала.

Она молчала, вцепившись руками в бортик ванны, готовая в любой момент нырнуть, закричать, защищаться.

— Ты сказала, чтобы я никогда не смотрел на тебя так. — Он наклонился ближе. — Как?

— Как... как на равную, — выдохнула она.

— А ты не равная? — усмехнулся он.

— Я госпожа. Ты раб.

— Сегодня я раб. Завтра меня убьют на арене. Послезавтра сгнию в земле. А ты будешь сидеть в своей ванне и вспоминать, как я смотрел на тебя.

Она молчала. Сердце колотилось так, что, казалось, он слышит.

Он вдруг встал. Стянул через голову тунику. Бросил на пол. Остался совершенно голым.

Сева дёрнулась, прикрылась руками, хотя вода скрывала всё.

— Что ты делаешь?!

— Хочу помыться, — ответил он спокойно. — Давно не мылся. А у тебя вода тёплая.

— Ты...

— Мой меня.

Она замерла. Смотрела на него — на его тело, покрытое шрамами, на мышцы, перекачивающиеся под кожей, на спокойное лицо с этой его кривой ухмылкой.

— Что? — переспросила она севшим голосом.

— Мой меня, — повторил он. — Ты назвала меня животным. Так вымой животное.

— Не прикасайся ко мне, — прошипела она, вжимаясь в дальний край ванны. — Убейся.

Он шагнул в воду.

Сева дёрнулась, попыталась вскочить, выпрыгнуть, но он схватил её за запястье — крепко, но не больно. Дёрнул обратно. Она плюхнулась в воду, оказавшись вплотную к нему.

— Отпусти!

— Тише, — сказал он. — Я ничего тебе не сделаю. Просто помой.

— Не буду!

Он взял её руку. Сжал в своей — её маленькая ладонь утонула в его грубой, мозолистой ладони. И медленно, не спеша, провёл её пальцами по своей груди.

Она дёрнулась, пытаясь вырвать руку, но он держал крепко.

— Чувствуешь? — спросил он тихо. — Это шрам от меча. В Испании. Мне было шестнадцать.

— Мне плевать!

Он провёл её рукой ниже, по животу, по рёбрам. Она зажмурилась, отвернулась, но руку вырвать не могла.

— А это от стрелы. При осаде. Меня взяли в плен и сделали рабом.

— Пусти, животное! — прошипела она сквозь зубы.

— Животное, — усмехнулся он. — Да, я помню.

Он провёл её пальцами по бедру. Она дёрнулась всем телом, отдёрнула руку, но он не стал удерживать. Вместо этого сам придвинулся ближе. Вплотную. Теперь их разделяла только вода.

Сева вжалась в бортик, не в силах отвести от него взгляда. Его глаза горели. Не злостью — чем-то другим, тёмным, глубоким.

— Ты боишься, — сказал он тихо.

— Я ненавижу тебя.

— Это одно и то же.

Он медленно поднял руку. Коснулся её плеча — кончиками пальцев, едва-едва. Она вздрогнула, но не отстранилась — некуда было.

Он провёл пальцами по её ключице. По шее. Остановился у подбородка.

— Не смей, — выдохнула она.

Он не слушал.

Его рука скользнула ниже — по плечу, по руке, по талии. Очертила изгиб её бедра под водой. Медленно. Тяжело. Она чувствовала его взгляд на своём лице, чувствовала его дыхание, чувствовала, как напряжено его тело.

Он хотел её.

Это было видно. В глазах, в сжатых челюстях, в том, как его пальцы дрожали, касаясь её кожи.

Она замерла, не дыша. Ждала. Сама не зная чего.

Он убрал руку.

Медленно поднялся из воды. Вышел на мраморный пол. Вода стекала с него ручьями. Он стоял к ней спиной, и она видела, как напряжены мышцы его спины, как вздымаются лопатки от тяжёлого дыхания.

Он не обернулся.

Подобрал тунику. Натянул. Взял нож.

У двери остановился. Бросил взгляд через плечо — короткий, тёмный, жадный.

— Ты права, — сказал он хрипло. — Животное.

Дверь закрылась.

Сева сидела в воде, прижимая руки к груди. Сердце колотилось где-то в горле. Она смотрела на дверь, за которой он исчез, и не могла пошевелиться.

Он хотел её. Он мог взять её. Он не взял.

И это было страшнее, чем если бы он сделал это.

Она ненавидела его. Ненавидела так, что кружилась голова. Ненавидела за то, что он ворвался в её дом, в её ванну, в её жизнь. За то, что прикасался к ней. За то, что не сделал большего.

За то, что она всё ещё чувствовала его пальцы на своей коже.

— Ненавижу, — прошептала она в пустоту.

За дверью всхлипнула Каллиста. Живая, целая, напуганная до смерти.

— Госпожа... — донёсся дрожащий шёпот. — Госпожа, с вами всё хорошо?

Сева не ответила.

Она смотрела на дверь и думала о том, что раб смотрел на неё снизу вверх. А она — сверху вниз.

Но сейчас ей казалось, что они поменялись местами.

Глава 3. Взгляд

Прошло две недели.

Сева почти убедила себя, что забыла. Почти заставила себя не вздрагивать по ночам, когда тени падали на стену. Почти перестала чувствовать на своей коже призрачные прикосновения его пальцев.

Почти.

Отец сказал, что сегодня они идут на форум. Важные переговоры с послом из Александрии. Сева должна была сопровождать его — для статуса, для красоты, для того чтобы чужеземцы видели: у Рима есть не только легионы, но и женщины, достойные богов.

Она надела лучшую столу — цвета слоновой кости, с золотым шитьём по подолу. Волосы уложила высокой короной, открывая шею. Каллиста долго поправляла складки, ахала, восхищалась.

— Госпожа сегодня прекрасна, как Юнона, — шептала гречанка.

Сева смотрела в зеркало и видела не себя. Видела его глаза. Они смотрели на неё из отражения.

— Идём, — сказала она резко. — Отец ждёт.

Форум гудел, как растревоженный улей. Торговцы, сенаторы, рабы, жрецы — все смешалось в пёстрый поток. Сева шла за отцом, стараясь не смотреть по сторонам. Но глаза против воли искали.

Она знала, кого ищет.

Идиотка, говорила она себе. Он раб. Он в своей школе. Он даже не знает, что ты здесь. Забудь.

Но сердце колотилось быстрее с каждым шагом.

Они остановились у базилики Эмилия. Отец о чём-то говорил с сопровождающим. Сева ждала, прикрывшись веером от солнца. Краем глаза заметила группу рабов у входа в здание суда — они стояли ровно, как статуи, ожидая своих господ.

Один из них повернул голову.

Сева замерла.

Гай.

Он стоял в тени колоннады, в простой тёмной тунике, без доспехов, без оружия. Но даже так — выделялся среди других рабов, как волк среди овец. Выше, шире в плечах, спокойнее. Он не сутулился, не прятал взгляд. Стоял, глядя прямо перед собой.

Он был здесь.

С ним были ещё несколько гладиаторов из школы Лентула — Сева узнала огромного галла, которого называли Белолобым, и темнокожего нумидийца. Они сопровождали своего хозяина, который, видимо, зашёл по делам.

Её взгляд встретился с его взглядом.

Одна секунда. Две. Три.

Никто из них не двинулся. Никто не подал вида. Только воздух между ними стал гуще, тяжелее, горячее.

— Госпожа, — зашебетала Каллиста, — смотрите, какие там ткани привезли! Говорят, из самого Китая! Может, подойдём?

Сева не слышала её.

Она смотрела на него. Он смотрел на неё. Весь мир исчез — остались только его глаза. Тёмные, глубокие, в них горело что-то такое, от чего у неё подкашивались колени.

Она должна была отвернуться. Должна была пройти мимо, сделать вид, что не заметила. Так учили. Так жили все в её мире.

Но она не могла.

И тогда он двинулся.

Не к ней. Нет, он остался на месте. Только сделал шаг в сторону, будто поправляя сандалию. Оказался ближе к краю колоннады. Ближе к ней.

Их разделяло теперь шагов десять. И толпа рабов, торговцев, прохожих.

Она видела, как его рука скользнула вниз. Как пальцы коснулись её бедра.

Через ткань? Нет. Там, где край её столы не прикрывал ногу, оставалась полоска обнажённой кожи — узкая, почти незаметная. Его пальцы легли именно туда.

Легко. Мимолётно. Как ветер.

Сева вздрогнула так, будто её ударило током. Воздух застрял в горле.

Он не смотрел на неё. Стоял, поправляя сандалию, и его пальцы — всего на миг — коснулись её кожи. Там, где бедро переходит в талию. Там, где ткань не прикрывает.

Никто не видел. Толпа вокруг была слишком плотной. Только она чувствовала это прикосновение — жгучее, как клеймо.

Он выпрямился. Отошёл назад. Встал на своё место рядом с другими рабами. И даже не посмотрел на неё.

Как будто ничего не было.

Но Сева знала — было. Её кожа горела в том месте. Горела так, что хотелось закричать. — Госпожа Северна!

Голос прозвучал совсем рядом. Сева дёрнулась, обернулась. Перед ней стоял пожилой мужчина в богатой тоге — Лентул Лев, хозяин гладиаторской школы. Тот самый, чьи рабы стояли у колоннады.

— Какая встреча! — Лентул улыбался масляно и сладко. — Ваш батюшка здесь? Я как раз иду к нему с предложением.

Сева с трудом заставила себя смотреть на него, а не на группу рабов за его спиной.

— Отец там, — она кивнула в сторону базилики. — У него встреча, но скоро освободится.

— Прекрасно, прекрасно. — Лентул понизил голос: — Передайте ему, что сегодня вечером у меня пир. Гости из далёкой Британии, сам царь Когидубн прислал послов. Будут танцовщицы, вино, ну и, конечно, лучшие бойцы для показательного боя. Буду рад видеть вас с отцом.

Сева кивнула, не совсем понимая, о чём он говорит. Мысли были далеко. Она чувствовала только одно — его взгляд. Он смотрел на неё. Она знала это, хотя не видела.

— Передам обязательно, — выдохнула она.

Лентул поклонился и ушёл к базилике.

Группа рабов двинулась за ним. Гай прошёл мимо неё в двух шагах. Даже не повернул головы. Но когда поравнялся, его рука — на одно мгновение — коснулась её руки. Там, где складки ткани скрывали от чужих глаз.

Пальцы сжали её запястье. Крепко. Горячо.

И отпустили.

Он прошёл дальше, даже не замедлив шага. Слился с толпой. Исчез.

Сева стояла, не в силах двинуться с места. Сердце колотилось где-то в горле. Кожа горела в двух местах — на бедре и на запястье. Два прикосновения. Две вспышки.

— Госпожа, — Каллиста тронула её за локоть. — Госпожа, вам плохо?

— Нет, — выдохнула Сева. — Мне... мне нужно к отцу.

Она почти бегом направилась к базилике, чувствуя, что если останется на месте — упадёт.

Глава 4. Рынок

Отец согласился на приглашение Лентула.

— Полезные связи, — сказал он за обедом. — Лентул вхож в императорский дворец. Если через него замолвить словечко о моём назначении в Сирию...

Сева кивала, не слыша. Перед глазами стояло одно: как его пальцы коснулись её бедра. Как он сжал её запястье. Как прошёл мимо, даже не взглянув.

— Ты пойдёшь со мной, — продолжал отец. — Женщина украшает пир. Надень что-нибудь... эффектное.

— Хорошо, отец.

Она встала из-за стола, сказавшись усталой. Поднялась к себе. Долго сидела перед зеркалом, глядя на своё отражение.

Ты ненавидишь его, сказала она себе. Ненавидишь. Он раб. Он никто. Он трогал тебя без спроса. Ты должна желать ему смерти.

Но тело помнило его прикосновения. И желало ещё.

Наутро она придумала предлог.

— Мне нужно на рынок, — сказала она Каллисте. — Хочу сама выбрать ткань для новой столы. К пиру.

Каллиста удивилась — обычно госпожа посылала за тканями рабов, — но не посмела перечить.

Они вышли вдвоём. Охранников Сева отослала — сказала, что на рынке и так полно народу, кто тронет дочь посла?

Она искала его.

Сама не признаваясь себе. Шла по рядам, заглядывала в лица рабов, носильщиков, грузчиков. Сердце колотилось всё быстрее с каждым шагом.

Она нашла его у фонтана Меты Суданс.

Он сидел на корточках, набирал воду в амфору. Один. Без других рабов. Туника задралась, открывая мускулистую ногу. Он поднял голову, увидел её — и замер.

— Ты, — выдохнул он.

— Я, — ответила она.

Они смотрели друг на друга через площадь. Люди текли мимо, не замечая ничего.

Гай медленно поднялся. Поставил амфору на землю. Сделал шаг к ней.

— Ты ищешь меня, — сказал он. Не спросил. Утвердил.

— Я пришла за тканью, — солгала она.

— Врёшь.

Она шагнула ближе. Ещё ближе. Теперь их разделяло три шага.

— Ты трогал меня вчера, — тихо сказала она. — Дважды. На форуме.

— Ты не отстранилась.

— Я не успела.

— Ты не хотела успевать.

Она закусил губу. Он был прав. Будь он проклят, он был прав.

— Ты хотела, чтобы я коснулся тебя снова, — продолжил он, глядя ей в глаза. — Поэтому ты здесь.

— Замолчи.

— Иди сюда.

Это не было просьбой. Это было приказом.

Она шагнула. Сделала те три шага, что разделяли их. Оказалась вплотную. Подняла голову, глядя на него снизу вверх.

— Что ты со мной делаешь? — прошептала она.

— Ничего, — ответил он. — Ты сама это делаешь с собой.

Он протянул руку. Коснулся её щеки — тыльной стороной ладони, невесомо. Она закрыла глаза.

— Я ненавижу тебя, — выдохнула она.

— Знаю.

Его пальцы скользнули по её шее. По ключице. Остановились там, где начиналось декольте.

— Сегодня вечером ты придёшь в дом Лентула, — сказал он тихо. — Я буду там. Буду стоять у стены и смотреть, как ты ешь виноград и делаешь вид, что меня нет.

— Я не делаю вид.

— Делаешь. Потому что боишься признаться, что чувствуешь.

— Чего я боюсь?

— Себя.

Он убрал руку. Отступил. Поднял амфору.

— Уходи, — сказал он. — Пока я не сделал то, о чём потом пожалею.

— Ты? — усмехнулась она. — Или я?

Он посмотрел на неё долгим взглядом. Развернулся и ушёл.

Сева стояла у фонтана, глядя ему вслед. Люди обтекали её, как вода обтекает камень.

Каллиста нашла её через полчаса — всё там же, у фонтана.

— Госпожа, я обыскалась! Что случилось? Вы нашли ткань?

— Нашла, — ответила Сева. — Я нашла то, что искала.

И пошла домой — готовиться к пиру.

Глава 3

Глава. Тот, кто смотрит снизу

Он не планировал этого.

Гай шёл по ночному Риму, перетекая тенями от стены к стене, и повторял себе это снова и снова. Я не планировал. Я просто хотел напугать её. Проучить. Показать, что даже в своей ванне, в своём доме, с десятком охранников за стенами — она не защищена.

Он хотел, чтобы она боялась.

Чтобы дрожала при одном его имени. Чтобы, засыпая, видела его лицо. Чтобы поняла: раб тоже может смотреть сверху вниз. Иногда.

Он не планировал раздеваться. Не планировал заходить в воду. Не планировал сидеть напротив неё, глядя, как её глаза расширяются от ужаса, как губы дрожат, как вода скрывает её тело, но не может скрыть её страх.

Он не планировал брать её руку и вести по своим шрамам.

Но когда он это сделал — когда её холодные пальцы коснулись его груди, его живота, его бедра — он понял, что пропал.

Она не закричала.

Она могла. Должна была. Но она молчала. Смотрела на него. Смотрела, как он проводит её рукой по своему телу, и не отводила взгляда. В её глазах был страх. Был гнев. Была ненависть.

И было что-то ещё.

Что-то, от чего у него самого перехватило дыхание.

Он хотел её.

Сразу. Там, в воде. Прижать к мраморному краю и взять. Заставить её кричать — но не от страха, а от того, что она никогда не испытывала. Заставить её забыть, кто она и кто он.

Но он не сделал этого.

Он прижал её к себе — просто чтобы почувствовать её тело рядом. Провёл рукой по её изгибам — по талии, по бедру, выше — и отпустил. Вышел из воды. Ушёл.

Потому что понял: если он сделает это сейчас — он проиграет. Не ей. Себе.

Он вышел на холодный воздух ночного Рима и долго стоял, прислонившись к стене, пытаясь отдышаться. Потом пошёл в лупанарий.

— Она будет бегать за мной, — сказал Гай на следующий день Белолобому.

Они сидели в каморке при школе гладиаторов, ели похлёбку. Гай был мрачнее тучи.

— Кто? — не понял галл.

— Дочь посла. Та, что шлёпнула меня на арене.

Белолобый присвистнул.

— И что ты с ней сделал?

— Ничего. Почти. — Гай отложил ложку. — Я заходил к ней ночью.

— Ты спятил? Тебя бы убили!

— Не убили. Я ушёл. — Он помолчал. — Но она теперь не забудет меня. Никогда.

— И что тебе с того?

Гай усмехнулся — криво, зло.

— А то. Она смотрела на меня как на животное. Сказала: «Никогда не смей смотреть на меня». А теперь я буду смотреть. Всегда. Куда бы она ни пошла. И она будет знать, что я смотрю.

— И? — Белолобый не понимал.

— И она будет умирать по мне, — тихо сказал Гай. — Будет молить, чтобы я посмотрел на неё. Только на неё.

Белолобый покачал головой.

— Ты играешь с огнём, фракиец. Она не рабыня. Она дочь посла. Если её отец узнает...

— Не узнает. — Гай поднялся. — А если узнает — мне терять нечего. Я и так умру на арене. Через год, через два, через пять. А пока я жив, я хочу, чтобы она помнила: есть кто-то, кто смотрит на неё снизу и не боится.

Белолобый хотел что-то сказать, но передумал.

Гай вышел во двор. Смотрел на небо. Думал о ней.

Он врал сам себе. Врал, когда говорил другу, что хочет просто поиграть. Врал, когда убеждал себя, что это месть.

Он хотел её. Хотел так, что ломило кости. И это желание было страшнее любого приговора.

Глава 6. Пир

Дом Лентула Льва сиял огнями.

Гай стоял у стены вместе с другими гладиаторами, которых выставили напоказ, как дорогих скакунов. Гости — римские патриции, чужеземные послы, богатые всадники — проходили мимо, оценивая оглядывая бойцов. Кто-то щупал мускулы, кто-то заглядывал в зубы. Гай терпел. Он привык.

Он искал её глазами.

И нашёл.

Она сидела рядом с отцом в первом ряду триклиния. В новой столе — глубокого синего цвета, с золотым шитьём. Волосы уложены высокой короной, открывая шею. На шее — тонкая золотая цепочка с сапфиром.

Она была прекрасна.

И она смотрела на него.

Их взгляды встретились через весь зал, через десятки гостей, через дым благовоний и смех. Секунда. Две. Три.

Она отвела глаза первой.

Гай усмехнулся про себя. Бегаешь, девочка. Уже бегаешь.

Лентул хлопнул в ладоши.

— А теперь, дорогие гости, лучшее из моих сокровищ! Мои гладиаторы покажут вам, на что способны настоящие бойцы! Не бойтесь, кровь отмоем!

Посреди зала расчистили место. Гаю бросили меч. Напротив него встал Белолобый — они должны были изображать бой, не смертельный, но зрелищный.

Гай дрался как никогда.

Он знал, что она смотрит. Чувствовал её взгляд каждой клеткой тела. И хотел, чтобы она видела. Чтобы запомнила. Чтобы поняла, кого она боится — и хочет.

Он двигался хищно, плавно, смертоносно. Меч свистел в воздухе. Белолобый подыгрывал, но Гай был настолько хорош, что галлу приходилось реально уворачиваться.

Гости ахали. Женщины визжали. Лентул довольно потирал руки.

В какой-то момент Гай поймал её взгляд и не отпускал. Дрался и смотрел прямо на неё. В его глазах горело: «Видишь? Видишь, кто я? Не животное. Не грязь. Тот, кто может убить тебя одним движением. И не убьёт. Потому что хочет другого».

Она побледнела. Прикусила губу. Сжала в пальцах край столы.

Бой закончился. Гай и Белолобый поклонились гостям. Гости аплодировали.

И тогда одна из женщин — богато одетая, с крашеными волосами, жена какого-то сенатора — подозвала Лентула и что-то прошептала ему на ухо. Лентул кивнул, улыбнулся масляно, подозвал Гая.

— Ты понравился госпоже Ливии, — сказал он тихо. — После пира пойдёшь к ней в покои. Сделаешь всё, что скажет. Понял?

Гай кивнул. Он знал такие заказы. Богатые матроны часто платили за ночь с гладиатором — острые ощущения, запретный плод. Это была часть его жизни. Такая же, как бои, как кровь, как клетка.

Он должен был обрадоваться. Ливия была красива, молода, богата. Лучше, чем многие. Но в этот момент он смотрел на неё. На Севу.

Она слышала. Она сидела достаточно близко, чтобы слышать шёпот Лентула. И в её глазах мелькнуло что-то... Боль? Ревность? Гай не успел понять.

Она отвернулась. Поднесла ко рту виноградину. Сделала вид, что ей всё равно.

Гай почувствовал, как внутри поднимается злая радость.

Страдай, девочка. Ты хотела смотреть на меня сверху вниз? Смотри теперь. Смотри, как я ухожу к другой. Смотри, как меня трогают чужие руки. Смотри и знай, что это могла быть ты. Он усмехнулся и отошёл к стене.

Глава 7. Чужая постель

Пир кончился поздно.

Гай поднялся в покои госпожи Ливии. Она уже ждала — в прозрачной ткани, с распущенными волосами, с горящими глазами.

— Развлеки меня, гладиатор, — сказала она, развалившись на ложе. — Я слышала, вы умеете не только убивать.

Гай сделал, что должен. Он был опытен. Он знал, как доставить удовольствие женщине, даже если внутри пусто и холодно.

Ливия стонала, извивалась, царапала ему спину. Шептала, какой он зверь, какой дикий, какой прекрасный.

Гай закрывал глаза и представлял, что это не она.

Представлял синюю столу. Высокую корону волос. Глаза, полные страха и ненависти. И того, другого огня, который он видел в них у фонтана.

Он представил, что её пальцы впиваются ему в плечи. Её губы кусают его губы. Её шёпот: «Ненавижу».

И кончил, сжимая зубы, чтобы не закричать её имя.

Ливия довольно улыбнулась, погладила его по щеке.

— Ты хорош, — сказала она. — Останешься до утра?

— Как прикажете, госпожа.

Она уснула быстро, утомлённая вином и страстью. А Гай лежал рядом, глядя в потолок, и не мог сомкнуть глаз.

Перед ним стояло её лицо.

То, как она смотрела на него сегодня. Как побледнела, услышав приказ Лентула. Как сжала край столы. Как отвернулась, делая вид, что ей всё равно.

Ей не всё равно.

Он добился своего. Она думает о нём. Страдает. Ревнует.

Он должен был ликовать. Ведь именно этого он хотел? Чтобы она мучилась? Чтобы она поняла, каково это — быть тем, кто смотрит и не может получить?

Но ликования не было.

Была пустота. Холодная, вымороженная пустота.

Потому что сейчас, лёжа в постели чужой женщины, вдыхая запах чужих духов, чувствуя тяжесть чужого тела рядом, он понял одну простую вещь.

Он проиграл.

Он думал, что играет с ней. Думал, что он охотник, а она жертва. Думал, что сможет наказать её за то, как она смотрела на него на арене — как на животное, как на грязь.

Но охотником оказалась она.

Потому что она была в нём. Под кожей. В крови. В каждом вздохе.

Он хотел, чтобы она смотрела на него, — и она смотрела. Он хотел, чтобы она думала о нём, — и она думала. Он хотел, чтобы она страдала, — и она страдала.

Но вместе с ней страдал он сам.

Каждую ночь, просыпаясь в поту от снов, где она была рядом. Каждый день, выходя на арену и ища её глазами в толпе. Каждую минуту, чувствуя на коже призрачные прикосновения, которых не было.

Он думал, что держит нити игры. А нити держали его. И душили.

— Сева, — прошептал он в темноту. Имя сорвалось с губ само, как стон.

Ливия заворочалась во сне, что-то пробормотала.

Гай закрыл глаза. И впервые в жизни пожалел, что не убил её тогда, на арене. Потому что убить врага легко. А жить с врагом внутри себя — невыносимо.

Он проиграл. И только начинал понимать, насколько страшным будет его поражение.

Утром он вернулся в школу. Белолобый встретил его понимающим взглядом.

— Ну как? — спросил галл. — Хорошая была ночка?

— Провались она, — буркнул Гай.

— Что не так?

Гай сел на нары, уронил голову в ладони.

— Я идиот, — сказал он глухо. — Думал, что играю. А она... она выиграла.

— Кто?

— Та, с арены. Дочь посла.

Белолобый присвистнул.

— Ты серьёзно? Она же тебя ненавидит.

— Знаю. — Гай поднял голову. В его глазах была такая тоска, что галл отшатнулся. —

И это хуже всего. Потому что я тоже её ненавижу. Но хочу так, что зубы сводит.

— Любовь, что ли? — недоверчиво спросил Белолобый.

— Не знаю. — Гай посмотрел в маленькое окошко под потолком, откуда лился серый утренний свет. — Я только знаю, что когда она смотрит на меня — я жив. А когда нет — я уже мёртвый.

Белолобый молчал долго. Потом хлопнул его по плечу.

— Ты пропал, фракиец.

— Знаю, — ответил Гай. — Знаю.

Он лёг на нары, закрыл глаза. И в темноте под веками снова увидел её. Синюю столу. Высокую корону волос. Глаза, полные ненависти.

Она ненавидела его. А он хотел её.

И это было страшнее любых цепей.

Глава 4

Сева стояла, прижавшись спиной к колонне, и смотрела, как он уходит. Он не обернулся. Даже разу не обернулся.

— Сдохни, — прошептала она вслед. — Сдохни на арене, чтобы я тебя больше никогда не видела.

Слова упали в пустоту. Он их не слышал.

Или слышал — но ему было всё равно.

Месяц

Тридцать дней.

Она считала их по утрам, когда просыпалась с мыслью о нём. По дням, когда искала его глазами в толпе. По ночам, когда ворочалась без сна и чувствовала на коже призрачные прикосновения.

Его не было.

На играх — нет. На форуме — нет. На улицах — нет. Она посылала рабов узнавать — Лентул отправлял лучших бойцов на гастроли. Он в других городах. Он далеко.

Может быть, он уже мёртв.

Она ненавидела эту мысль. И ненавидела себя за то, что она вызывает не радость, а боль.

На тридцать первый день она перестала спать совсем. Лежала, глядя в потолок, и считала не дни — удары сердца. Тысячи ударов. Миллионы. А его всё нет.

Каллиста боялась подходить к ней. Госпожа стала сама не своя — молчаливая, резкая, с тёмными кругами под глазами. Отец спрашивал, не больна ли она. Она отмахивалась.

Она умирала. Медленно. Каждый день.

И не понимала, что это называется.

Ночь

Она проснулась оттого, что кто-то смотрит на неё.

Сева открыла глаза — и замерла.

В лунном свете у её постели стоял он.

Гай.

Живой. Настоящий. Худой, осунувшийся, с глубокими тенями под глазами — будто он тоже не спал этот месяц. Будто его тоже убивали эти дни.

Она хотела закричать — и не смогла. Хотела ударить его — и рука не поднялась. Хотела спросить, где он был, почему ушёл, почему вернулся — и вместо этого выдохнула только одно слово, хриплое, севшее:

— Ты...

— Я, — ответил он тихо.

— Как ты... здесь...

— Не важно.

Он шагнул ближе. Сел на край постели. Протянул руку — медленно, будто давая ей время отстраниться. Коснулся её щеки.

Она дёрнулась. От его пальцев по коже побежал ток.

— Не трогай, — прошептала она.

Он убрал руку.

— Хорошо.

— Ты где был? — спросила она, ненавидя себя за то, что голос дрожит.

— Далеко.

— Я думала, ты умер.

— Хотел бы, — усмехнулся он горько. — Но не выходит.

Она смотрела на него. Месяц. Целый месяц она ждала этого момента. И теперь, когда он здесь, она не знала, что делать. Что говорить.

Внутри всё кипело. Ненависть, которую она так старательно растила все эти дни, смешалась с чем-то другим — жгучим, отчаянным, невозможным.

— Ты был с ней, — выдохнула она.

Он замер.

— С кем?

— С той женщиной. На пиру. Ты ушёл к ней.

Он молчал. Смотрел на неё. Потом сказал тихо:

— Ты помнишь это?

— Я всё помню.

— А то, что я раб, ты помнишь? Что у меня нет выбора?

— Ты мог отказаться.

— Не мог.

— Мог! — Она села в постели, сжимая край покрывала. — Ты мог... ты должен был... ты...

Он взял её лицо в ладони.

Резко. Сильно. Заставил смотреть в глаза.

— Послушай меня, — сказал он тихо, но так, что у неё внутри всё оборвалось. — Я раб. Моё тело не моё. Моя жизнь не моя. Каждую ночь я ложусь и не знаю, проснусь ли утром. Каждый бой может стать последним. И единственное, что у меня есть — это то, что внутри. То, что они не могут купить.

Она смотрела на него, не дыша.

— А внутри у меня — ты, — сказал он. — С того самого дня, как ты упала на арену. Ты. И я ненавижу тебя за это. Ненавижу так, что зубы сводит.

— Я тоже тебя ненавижу, — выдохнула она.

— Знаю.

— Ты животное.

— Знаю.

— Ты... ты сдохнешь на арене, и я буду радоваться...

Он поцеловал её.

Не дал договорить. Просто прижался губами к её губам — жёстко, отчаянно, голодно. Она дёрнулась — и тут же обвила его шею руками, притягивая ближе, ближе, невозможно близко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.